

A decorative rectangular frame with ornate, symmetrical scrollwork and floral patterns at each corner, surrounding the text.

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ
ДУДИНЦЕВ

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ
ДУДИНЦЕВ

Белые одежды

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44
Д81

Серия «Русская классика» основана в 2008 году

Серийное оформление *А. А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *А. И. Смирнова*

Дудинцев, Владимир Дмитриевич.

Д81   Белые одежды / Владимир Дмитриевич Дудинцев. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 704 с. — (Русская клас-
сика).

ISBN 978-5-17-115207-9

«Белые одежды» — произведение, сочетающее в себе досто-
верность одной из самых страшных страниц русской истории XX
века, психологическую глубину образов персонажей и увлека-
тельный, захватывающий сюжет.

Идет борьба с «лженаукой» генетикой. Ученым, не готовым
«признать свои ошибки» и перейти в стан воинствующего неве-
жества «лысенковщины», не избежать «архипелага ГУЛАГ».

Разгром ждет и маленький НИИ в далеком провинциальном
городке, где группа ученых подпольно занимается генетикой,
проводя с огромным риском запрещенные исследования.

Перед каждым из персонажей романа возникает вопрос: что
делать? Предать свои убеждения и веру в науку и уцелеть? Или
пострадать, но не отступить от своих идей?..

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115207-9

© В. Д. Дудинцев, наследники, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Н. Л. и А. А. Лебедевым.

Сии, облеченные в белые одежды, —
Кто они и откуда пришли?

Откровение Иоанна Богослова, 7, 13.

Первая часть

I

Стоял тихий сентябрь. Воскресное утро, может быть, последнее ласковое утро уходящего лета, тихо, как младенец, играло солнечными пятнами и тенями. Громадный институтский парк дремал, раскинувшись на двух холмах, которые здесь назывались Малой Швейцарией. Он был весь разбит поперечными и продольными аллеями на правильные прямоугольные клетки. С одной стороны в конце каждой поперечной аллеи светилась пустота, там угадывался провал, и оттуда, из легкой дымки, иногда доносился низкий рев парохода. Там была река. С противоположной стороны вдалеке среди зелени мелькали розовые стены корпусов Сельскохозяйственного института.

Вдоль главной — Продольной — аллеи, которая шла почти по краю провала, сидели на решетчатых скамьях студенты с книгами. Уже начался учебный год. Далеко внизу между деревьями прыгал волейбольный мяч, время от времени аллею пересекал бегун в синем обтягивающем трико или в трусах — студент или жилистый профессор.

По этой чисто подметенной аллее между двумя рядами старых лип брел в это утро и поглядывал по сторонам человек в клетчатой, ржавого цвета ковбойке с подвернутыми рукавами и в светло-серых тонких брюках. Был он лет тридцати, невысокий, узкий в поясе, шел, сложив руки за спиной. Широкое, но худощавое лицо его с довольно заметным внимательным носом было подвижно, русая бровь иногда поднималась с изгибом — и это говорило о привычке постоянно размышлять, свойственной некоторым ученым. Была в его лице особенность: резко выделенный желобок на верхней губе переходил и на нижнюю и заканчивался глубокой кривой ямкой на подбородке —

8   получалось, что нижняя часть лица как бы перечеркнута этой отчетливой вертикалью. Шаги этого задумчивого человека были неторопливы, и тем не менее он догнал и оставил за собой двух странных пожилых бегунов — мужчину и женщину, обтянутых синими шерстяными трико, и в белых кедах. Пара эта бежала трусцой, то есть топталась почти на месте. У мужчины розовый пробор проходил сразу же над ухом, жидкие желтовато-седые волосы прикрывали плешь. Старость цепко держала его в когтях. У женщины спортивный костюм выдавал непропорционально распределенную полноту: все ушло в верхнюю часть широкого, без перехвата, корпуса, в широкие плечи. От нее веяло волей и слегка глупостью.

Они вели беседу. Когда человек в ковбойке, узнав мужчину и поджав локоть, с почтительным поклоном оглянул их, бегун посмотрел на него, полуочнувшись, и продолжал свою речь:

— Он фиксирует по Навашину. Двенадцати часов достаточно... Ему нужно быстро — тысячи гибридов, и все проверь...

Женщина сказала:

— На его микротоме можно получить срез на толщину клетки. Хорошо хромосомы считать. На помойке подобрал нами же списанные части, отремонтировал сам — и пожалуйста... Мог и ты ведь...

— Не так просто. Все в микрометрическом винте. Он заказывал винт в Москве у какого-то мастера...

И человек в ковбойке сразу понял, о чем они говорили. Это были цитологи — специалисты по исследованию растительных клеток. От их разговора чуть-чуть потянуло и вейсманизмом-морганизмом, который месяц назад был торжественно осужден на августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Шевельнув бровью, человек в ковбойке быстро оглянулся на бегунов, легко поклонился мужчине и опять не был замечен.

Потом он долго шел по аллее, размышляя о своих делах, которых было много. Аллея вывела его на лысый бугор, к его вершине, где была вкопана в землю простая лавка, и человек сел на нее — лицом к горящему внизу под

солнцем разливу реки, к синим бугристым далям за рекой: там синела Большая Швейцария. 9

Этот человек имел отношение к науке о растениях и знал много разных вещей. Знал, например, что есть такое понятие: спящая почка. У яблони ее не видно, но садовник умелой обрезкой дерева может заставить ее пробудиться, и тогда на гладком месте вдруг выстреливает новый побег. Старый знакомый человека в ковбойке селекционер-садовод Василий Степанович Цвях, любитель затейливо мыслить, однажды сказал ему, что и у человека бывает что-то похожее на это явление. Ты можешь прожить долгую жизнь и даже отойти в лучшие миры, так и не узнав, кто ты — подлец или герой. А все потому, что твоя жизнь так складывается — не посылает она испытаний, которые загнали бы тебя в железную трубу, где есть только два выхода — вперед или назад. Но может и послать. Человек в ковбойке никогда не пробовал примерить эту мысль к себе, но поговорить с хорошим собеседником на тему о спящих в нас загадках был готов всегда.

А между тем, ему предстояло увериться, что именно в эти дни он делал свой первый шаг в ту среду, которую имел в виду садовод, — в условия, благоприятные для пробуждения какого-то спящего качества. Может быть, он даже чувствовал тугое увеличение проснувшегося ростка, но не отдавал себе в том отчета — еще не осмыслил явления — оно бежало впереди осваивающей мысли. В те самые минуты, когда человек, сидящий на лавке, обдумывал свои дела, спящая почка уже тронулась в рост, и он уже двигался к своей железной трубе, которая в этом городе ждала его, чтобы определить, кто он — ищущий истину отчаянный смельчак или трус, прячущий под себя свои жалкие пожитки. Удивительно, что это была настоящая огромная железная труба и ей, кроме прямого дела по ее специальности, была уготована другая — историческая служба.

Шаги и голоса в аллее заставили человека в ковбойке обернуться. Это была все та же пара синих бегунов — они уже не трусили рысцей, а шли, и это получалось у них зна-

10 чительно быстрее. Поднявшись на бугор, они сели на ту же лавку.

— Вот так, — сказал мужчина, вытирая платком лоб и шею. — Так что ты все увидишь сама. И притом в недалеком и хорошо обозримом будущем.

— Боишься? — вполголоса спросила женщина.

— Трясусь, как балалайка.

— Тебе-то ничего не будет...

— Я полагаю, что твоя эйфория безосновательна, — пригвоздил он ее с неповторимым кряхтеньем, тоном сноба. — Последнее слово не за тобой, а за их преосвященством. А их преосвященство не любят еретиков, — тут бегун очень весело посмотрел на незнакомца в ковбойке. Тот, дружелюбно улыбнувшись, в третий раз чуть заметно поклонился, и с этого момента бегун стал говорить только для него. — Ты помнишь, каков был Торквемада? — сказал он женщине, глядя на ее молодого соседа. — Ну, Торквемада, великий испанский инквизитор. А помнишь, чем он отличался? Религиозным энтузиазмом, богословской начитанностью...

— Ну, ты тут на своем коне. Кроме тебя, конечно, никто этого не знает, и никто не читал энциклопедию, — сказала женщина, взглянув на незнакомца соседа.

— Напрасно персифлируешь. Великая мастерица персифляции, — сказал бегун уже прямо мужчине в ковбойке.

Тот улыбнулся и развел руками:

— Я не знаю этого слова.

— Лесть, искусно маскирующая насмешку. Насмешку я не замечаю, а лесть принимаю. Торквемаду я упомянул здесь не напрасно. Я имею в виду не того Торквемаду, который устраивал в Испании знаменитые костры инквизиции, а другого — того, которого я здесь учил до войны цитологии, у которого принимал зачет, и который стал теперь первосвященником и придет, видимо, завтра, в заведение, где я работаю. И будет учинять в нем великий трус. Этот Торквемада, хоть и новичок в своем деле, но, по отзывам знающих людей, стоит того, испанского. Он тоже фанатик и начитан, великий богослов в своем деле, и под его влиянием находятся кардиналы...

— Видите ли, для справедливости сравнения на- 11
до сказать, что Торквемада испанский ничего себе
не брал, в отличие от других инквизиторов, и был суро-
вейший аскет, — заметил человек в ковбойке. — Постился
он по-настоящему...

— Бедным еретикам от этого не было легче, — сказала
женщина.

— Никак не легче, — согласился синий бегун. —
У Дарвина есть такое соображение: в Испании несколько
столетий каждый человек, способный мыслить, попадал
на костер. Отсюда пошел упадок мысли в стране.

Я думаю, что и диктатура Франко появилась не без
причинной связи с историческими обстоятельствами. Так
что никакой детумесценции нам ждать не приходится.

— Простите...

— Я хочу сказать, страсти будут не затухать, а разго-
раться. Лев и кроткая лань, которые до этого кое-как тер-
пели друг друга...

— Надеюсь, я беседую со львом? — уважительным то-
ном спросил незнакомец в ковбойке.

— Вот видите, и вам не чужда персифляция! Нет, нет!
Какой же я лев... Вообще, львов я давно не видел... Сло-
вом, подготовимся к допросам и пыткам.

— Даже к пыткам?..

— Ну, разумеется, Железной девы там не будет. Но, знае-
те, мы живем сегодня, по крайней мере, мы, биологи, как со-
бачки у Павлова. Правда, в нашем эксперименте установка
несколько отличается. От каждого ученого отходит резино-
вая трубка, по которой притекают соки, питание. Все труб-
ки сходятся в определенном центре. Некий академик может
нажать, скажем, мою трубку, и готово — я захирел и бряк
кверху лапками. Конечно, сразу не нажмет. Но уменьшит се-
чение, это бывает. А еще чаще — ласково к ней прикоснется,
нажмет слегка и отпустит. Я тут же закричу: не буду! Каюсь!

Женщина уже дергала бегуна за рукав, уже оба подня-
лись, чтобы идти, а тот все не мог остановиться:

— Наш Торквемада будет перебирать эти трубки, ласко-
во их касаться, а люди будут трепетать. Чем это не Железная
дева?

12 Тут они раскланялись, пара отошла на несколько шагов, синий бегун еще раз поклонился, и они затрусили по аллее.

Человек в ковбойке некоторое время с растерянной улыбкой смотрел им вслед и даже повторил вполголоса:

— Торквемада...

Потом он взглянул на часы — было чуть больше десяти — и поднялся. Куда пойти? Впереди был целый день. Он медленно побрел по аллее — так, чтобы не догнать синих бегунов, которые трусили вдаль. «Железная дева», — подумал он, покачав головой, и представил себе это средневековое орудие пытки, нечто вроде железного — в человеческий рост — футляра для скрипки, усаженного внутри гвоздями. Тут повеяло ветерком и, обогнав его, пронесся длинными скачками еще один бегун — худенький, невысокий, с прижатыми локтями. Он был в нитяном тренировочном костюме, тоже синем, но поблекшем от стирок. На спине темнело пятно пота. Его фигура быстро уменьшалась, и по этому можно было судить о скорости. Слегка сбочив на одну сторону — бывает такая кавалерийская посадка — бегун пересек аллею и рухнул в провал, сбежал по страшной крутизне на самое дно, где взлетал волейбольный мяч, и его фигура замелькала среди сосен, поднимаясь на другой склон, запрыгала ритмично, словно ее дергали на нитке. Человек в ковбойке долго смотрел ему вслед. Он узнал бегуна — когда-то слушал его лекции по генетике в этом самом институте. Это был академик Пошшков. Семь лет назад — в первый год войны — он женился на своей молоденькой аспирантке. Ему тогда было шестьдесят лет. В институте ходила легенда: будто в загсе, куда он, принарядившись, привел невесту, регистраторша, подняв на них глаза, прыснула, не удержав смеха. «Разница большая?» — спросил он. «Ага», — ответила та, краснея. «Ну так смотрите», — сказал академик. Он коротко взмахнул руками и прыгнул на ее стол — утвердил свои лакированные туфли точно по обе стороны чернильницы. Выждав паузу, он опять взмахнул руками и, не оборачиваясь, изящно спрыгнул со стола назад, попал точно на то место, где стоял раньше. «Я бы хотел, дорогая, чтобы еще

кто-нибудь из приходящих сюда женихов смог про-
делать эту штуку». Глядя на ритмично прыгающее
среди далеких сосен голубое пятнышко, бывший ученик
академика чувствовал, что начинает верить в эту легенду.
«Сложный человек Светозар Алексеевич», — подумал он,
вздыхая и хмурясь. Академик Посошков когда-то в трид-
цатых годах был одним из известных менделистов, сто-
ронником того учения в биологии, на котором и гитлеров-
ский режим ухитрился построить свои расистские бредни.
Конечно, никто не считал академика расистом. Если было
бы иначе, ему бы несдобровать. Но все же о нем поговари-
вали с угрозой те, кто любит нажимать на педали и готов
пустить в ход словечко «враг». А куда денешься? Этот мен-
делизм-морганизм (иные добавляли еще к этим словам
и «вейсманизм») содержит ведь тезисы, которые можно
использовать. И использовали! Кто же может в двадца-
том веке толковать о каком-то наследственном веществе!
Чушь какая-то! Все же академик вовремя отсекся от за-
блуждений и читал студентам свой пересмотренный курс,
убедительно ругая монаха Менделя, правда, немного гро-
могласно. Академик Лысенко — вождь мичуринской на-
уки — никак не мог простить ему старые грехи — видно,
за то, что Посошков был уж очень матерый менделист.
И еще потому, что после своей перестройки и отречений
он как-то быстро угас, отошел от боевой науки. Но ка-
яться не забывал. В последний раз на августовской сес-
сии прямо-таки кричал с трибуны. Обещал поддерживать
авторитет академика Лысенко, президента агробиологов.
Извинился и перед другим корифеем — академиком Ряд-
но. Преподавал он новую — мичуринскую — биологию
толково, и из его слушателей вышло много хороших ре-
бят, убежденных противников всякой схоластики. Види-
мо, отсекся по-настоящему. Но отсекся ли в самой глуби-
не души? Хотелось бы верить ему. Впрочем, сообщали, что
вслед за отречением он разогнал половину обеих кафедр
генетики, почти всю проблемную лабораторию. Вот и по-
смотрим, дорогой Учитель, как ты их разогнал...

Так думал, глядя вслед неутомимому старику, чело-
век в ковбойке. А далекое голубое пятнышко все прыгало

14   между соснами, поднимаясь выше и выше. Бывший ученик академика не знал еще, сколько драм и живых страстей бегут на этих тонких ногах...

«Небось, и он считает, что я Торквемада, — не очень весело подумал человек в ковбойке. — А может быть, он как раз и родил это хорошенькое сравнение. Тем более надо к нему зайти, поведать учителя. Да кроме того, он еще и проректор. Через час он наверняка будет уже дома».

Он не спеша зашагал по аллее, свернул к розовевшему вдаль институтскому корпусу. «По отзывам знающих людей, — вдруг вспомнил он слова синего бегуна, беседовавшего с ним, — нажмет и отпустит! — вспомнил и тряхнул головой в сторону и вниз, и даже оскалился от стыда. — Значит, заметили во мне эту ласковость инквизитора! В чем же она выражается? Откуда взялась?»

Он шел и не замечал никого — ни тех, кого обгонял, ни тех, кто настигал его, несясь спортивной рысью. Он уже шагал по асфальту, в полосе усиленного движения. Мимо него пролетали на невиданных самодельных роликах лыжники с палками, тренирующиеся и летом, катились навстречу коляски с младенцами. Два человека узнали его и поклонились, но он не заметил их.

— Федор Иванович! Федя Дежкин! — позвал кто-то над самым его ухом, и он очнулся. Мягкий лысоватый блондин из рыжих — бывают такие прозрачные гребешки — шел рядом, плечо к плечу, с ним и приветливо улыбался, разведя руки, словно для объятий. «Вот у кого ласковость!» — подумал Федор Иванович, узнав в соседе полковника госбезопасности Свешникова. Забытая привычка сама растянула худые щеки Федора Ивановича, и был момент, когда оба собеседника стали вдруг похожими друг на друга.

— А-а! Михаил Порфирьевич! Сколько лет, сколько зим! Небось, уже генерал?

— Не-ет, все еще полковник. Это ваш брат — сегодня окончил вуз, а завтра, смотришь, уже кандидат, уже ревизует своих профессоров. Я слышал, вы приехали вейсманистов-морганистов шерстить?

— Начальство поручило...

— Ну как, бытие все еще не определяет сознания? Вы по-прежнему настаиваете? 15

— Уже не настаиваю, Михаил Порфирьевич. Стал старше, умнее. Но вам могу признаться: да, думаю я по-прежнему так, как думал. А вы по-прежнему меня не понимаете.

— До сих пор! Отрицаете значение бытия!

— Простите. Я отлично сознаю, что являюсь результатом множества предшествующих процессов. Если бы не было моего бытия, не было бы и моего сознания. Но я против плоского заучивания классических формул. Против механических представлений. Результат воздействия бытия на меня будет зависеть и от моей личности. Меня нельзя сбрасывать со счета, я не молекула воды. Можно ли яснее сказать? Я настаиваю вот на чем: на воздействие бытия яотреагирую самым неожиданным для многих образом.

— Посмотреть бы!

— А что — мы ведь еще поживем. Еще увидимся. Согласитесь, что августовская сессия академии была классическим фактором общественного бытия. Так вот: один академик на ней признал свои ошибки и полностью покался. Пал на колени перед нашим законодателем. Другой морганист, доктор наук, каялся с оговорками. А некий профессор на весь зал закричал: «Обскуранты!» — и был выведен на улицу. Видите, они не по-вашему, а всяк посвоему проявили свою суть в равных условиях.

— Но бытие может устроить вам серьезный экзамен.

— Михаил Порфирьевич, бытие своей манерой ставить нам такие пестрые и сложные задачи предполагает разные реакции. Оно само утверждает, что все мы — разные. На его экзамен яотреагирую самым неожиданным образом. Так, что само бытие удивится.

— Вы только этого с другими не развивайте. Со мной можно. А с другими не стоит.

— Не могу. Развиваю с каждым, кто любит поговорить.

— Ваш опыт должен бы вас научить...

— А что? Вы имеете в виду дядика Борика? Что-нибудь натворил?